

Она перевела взгляд, мягко опустив его на щеку человека, лежавшего у неё на руках, и после долгого рассматривания остановилась на её губах. Вероятно, из-за того, что прошлой ночью её сильно утомили, обычно такие красивые губы слегка покраснели и припухли. Чжансунь Циму на мгновение задумалась, затем, нахмурившись, наклонилась ближе, сдержанно коснулась их и, протянув руку, подняла одежду, лежавшую у кровати.

Цзин Жань открыла глаза от лёгкого покачивания, но, увидев потолок, на мгновение замерла. Повернув голову, она увидела Цзян Байси, держащую кисть, которая тоже подняла на неё взгляд.

— Проснулась? — Цзян Байси усмехнулась, видя, как та в последнее время становится всё более рассеянной.

Цзин Жань ничего не ответила, лишь огляделась вокруг и хрипло спросила:

— А она где?

— Кто? Твоя малышка? — Цзян Байси нарочно подняла бровь, но, увидев, что та остаётся невозмутимой, продолжила:

— Ушла. Она нажала на твою сонную точку и отнесла в повозку, сказав, что ты вчера устала, и тебе нужно хорошо выспаться.

Сказав это, Цзян Байси многозначительно провела взглядом по шее и губам Цзин Жань.

Так просто и ушла? Цзин Жань нахмурилась, а Цзян Байси, глядя на неё, насмешливо сказала:

— Ты выглядишь точь-в-точь как брошенная жена.

Цзин Жань продолжала молчать, и Цзян Байси, добавив пару штрихов к документу, продолжила:

— Эта деревяшка не выдержала твоего вида и нажала на твою сонную точку. Даже когда она несла тебя в повозку, ей с трудом удавалось тебя отпустить. Если бы ты проснулась, что бы тогда было?

Цзин Жань невольно улыбнулась, но тут же тихо вскрикнула от боли.

Цзян Байси снова посмотрела на неё, её взгляд стал ещё более многозначительным. Когда Цзин Жань подняла руку, чтобы коснуться губ, она вдруг достала откуда-то маленькое зеркало и поднесла его к её лицу.

Взглянув на своё отражение, Цзин Жань дрогнула. Цзян Байси, внимательно наблюдая за редким смущением в её глазах, громко рассмеялась, затем указала подбородком вниз.

Цзин Жань медленно перевела взгляд на тёмно-красные следы на шее, почувствовав, как щёки внезапно вспыхнули. Ей казалось, что в зеркале она видит того человека, который вчера, потеряв контроль от страсти, оставил на её теле эти горячие следы.

Цзян Байси, увидев её реакцию, с громким щелчком закрыла зеркало и с раздражением сказала:

— Ты, женщина, совершенно безнадёжна.

Цзин Жань не обратила на неё внимания, натянула одеяло повыше, перевернулась и снова закрыла глаза, но почувствовала, что никак не может согреться.

Когда она в пятый раз перевернулась и вздохнула, Цзян Байси наконец не выдержала и сказала:

— Если не можешь спать, вставай, сыграем в шахматы!

— Не встану, буду ворочаться. — Цзин Жань закатила глаза, нарочно шурша одеялом.

Почему, если я не могу спать, я должна играть с этой противной девчонкой в шахматы? Почему та не ляжет со мной спать?

Цзян Байси стиснула зубы, видя её плохое настроение, и, бросив кисть, отодвинула секретный документ в сторону, затем плюхнулась на постель.

Цзин Жань, немного побыла в раздумьях, вдруг почувствовала, что её поведение довольно забавное. Она повернулась к молчавшей девушке и, увидев, что та тоже закрыла глаза, рассмеялась.

— Эй, противная девчонка. — Цзин Жань, поправив одеяло на шее, позвала.

Цзян Байси слегка пошевелила веками, но не ответила.

— Актриса? — продолжила Цзин Жань.

Цзян Байси тяжело вздохнула, но всё ещё не отзывалась.

Цзин Жань слегка приподняла бровь и мягко сказала:

— Сестрёнка.

Цзян Байси внезапно открыла глаза и сердито посмотрела на неё:

— Призналась, что я твоя сестра?

— Как же, такую хорошую сестрёнку с фонарём не сыщешь. — Цзин Жань с улыбкой вздохнула, затем мягко сказала:

— Расскажи мне о своей жизни во дворце.

Цзян Байси усмехнулась, долго смотрела на Цзин Жань и наконец прищурилась:

— Нечего особого рассказывать. С детства меня воспитывала прабабушка, учила литературе и боевым искусствам, обсуждала политику и государственные дела, и в итоге я естественным образом взяла на себя ответственность за империю.

Цзин Жань, слушая её нарочито легкомысленный тон, на мгновение замолчала. Она прекрасно понимала, что всё, что Цзян Байси так легко описала, нельзя было назвать просто «естественным».

Эта девчонка, которая была на три года младше её, выросла в другом месте, получила другое воспитание и несла совершенно иную судьбу. Но эта девчонка была её родной сестрой, и когда она впервые заподозрила это, кроме лёгкого удивления, в её сердце зародилась радостная

надежда.

Этот человек, связанный с ней кровными узами, привык скрывать глубокие эмоции под своими чарующими глазами, не позволяя никому их увидеть.

Цзян Байси долго посмотрела на Цзин Жань и вдруг продолжила:

— А знаешь, как назывался дворец, где жил этот старый хрыч в императорском дворце?

— М? — Цзин Жань посмотрела на неё, услышав, как та привычно называет его «старым хрычом».

— Дворец Чунхуа, рядом с Залом Чанъань. — Цзян Байси перевела взгляд на потолок, смягчив взгляд, и продолжила:

— Зал Чанъань — это название моего дворца. Поскольку я девушка, я не покидала дворца и не строила себе отдельную резиденцию, всё время жила в Восточном дворце. Во дворце не было других наследников, поэтому я никогда не участвовала в кровавых интригах. Прабабушка крепко держала власть и защищала меня до трёх лет назад, когда я сама взяла на себя все полномочия, поэтому с детства я не испытывала особых трудностей.

Цзин Жань тёплым взглядом посмотрела на неё и тихо согласилась, затем услышала вопрос:

— Тебе нечего спросить?

Цзин Жань на мгновение замолчала, затем сказала:

— Малое количество наследников в Ганьчу, наверное, не в последнюю очередь связано с прабабушкой, так?

Цзян Байси закрыла глаза и долго молчала.

Это было равносильно признанию. Цзин Жань вздохнула и больше не стала говорить, повернула голову и закрыла глаза.

Борьба за трон и власть никогда не ограничивалась только соперничеством наследников. Сколько женщин в задворках дворца использовали всевозможные жестокие и коварные методы, чтобы их потомки заняли высочайшее положение в мире и передавали его из поколения в поколение, не останавливаясь ни перед чем, даже перед самыми ужасными поступками.

Поэтому Цзян Байси, выросшая в таких условиях, не могла не думать о захвате власти. Но всё же она, вероятно, из-за чувства вины перед предками, до сих пор не предприняла шагов против Императора Ли, который неоднократно пытался её устранить.

Лань Гэ, управлявший повозкой снаружи, с лёгкой досадой взмахнул кнутом, ускорив ход.

Прошло ещё несколько дней, и чем ближе они подходили к столице Ганьчу, тем сильнее становился снегопад.

С первого дня, как уехала Чжансунь Циму, Цзин Жань каждый день получала от неё письмо. Она гладила перья почтовых голубей и, используя цветные чернила Цзян Байси, раскрашивала их головы в небесно-голубой цвет в форме сердечек.

Письма от Чжансунь Циму обычно состояли всего из одного листка или даже нескольких коротких строк, но они всегда заставляли Цзин Жань улыбаться и краснеть.

Цзян Байси, закатывая глаза, каждый раз, когда Цзин Жань писала ответ и не могла остановиться, вовремя напоминала, что почтовый голубь может устать и упасть на полпути, и его кто-нибудь съест.

Цзин Жань с грустью и сожалением откладывала уже написанную толстую пачку бумаг, писала краткий ответ и аккуратно складывала всё написанное, чтобы позже лично передать его адресату.

Цзян Байси, казалось, всё больше не могла видеть её в таком состоянии и всё время погружалась в чтение секретных документов. После нескольких дней пути они наконец приблизились к столице Ганьчу.

К счастью, погода была прекрасной, и в момент, когда процессия въезжала в городские ворота, Цзян Байси, давно ожидавшая этого, беззвучно увела Цзин Жань обратно в повозку наследника.

Цзин Жань не успела разглядеть, что происходит снаружи, но ясно слышала, как народ на улицах, словно волны, приветствовал возвращение их наследника.

Видимо, эта девушка не только мудро управляла страной, но и завоевала любовь и уважение своих подданных.

Цзян Байси с гордостью подняла бровь и откинула занавеску повозки.

<http://bllate.org/book/16717/1537173>